

Александр Герасимов

ЖЕНЬШЕНЬ

Таежная история

Александр Владимирович Герасимов родился в 1955 году в таежном Примурье. На Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором государственной телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирался председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. Прозаик, драматург. С 2011 года живет в Калининграде. Публиковался в литературно-художественных России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Награжден орденом преподобного Сергия Радонежского РПЦ, заслуженный работник культуры РФ.

В лето того довольно далекого года я в очередной раз решил что-то себе доказать. Взял отпуск и уехал в Приморский край. Мне предстояло в одиночку пройти добрую сотню километров по тайге вдоль отрогов Сихотэ-Алинского хребта. В рюкзаке кроме брезентового полога, котелков, минимума продуктов были компас, блокнот с карандашами, фотоаппарат с кассетами черно-белой пленки, бинокль и две дюжины патронов с мелкой и крупной дробью. К патронам имелось ружье шестнадцатого калибра, раздолбанное и незарегистрированное, которое по окончании похода не жалко было выбросить. При таком снаряжении отправиться в дальнее путешествие по незнакомому маршруту может только неисправимый романтик и авантюрист.

Но в тайге я не новичок, пропасть вовсе не собирался. И поход складывался благополучно. Пробирался через дебри. В таинственном мире тугих налитых соками зарослей каждую секунду что-то происходило. Шумно срывались с насиженных мест невидимые звери и птицы. Прямо из-под ног вылетали встревоженные пичуги. Трещали слюдяными крыльями огромные пучеглазые стрекозы. Порхали исполненные монаршего величия черные махаоны, этих гигантских бабочек нигде в целом свете не найдете столько.

Пытался рисовать, фотографировать и даже философствовать. Удивительное явление — наше короткое лето. Однажды начавшись, оно кажется бесконечным. Забывается, что была на свете и, возможно, будет вновь холодная вечность зимы. И люди, живущие в лете, и оно само думают так и надеются на собственное бессмертие. Наивные мы и этим счастливы.

Примерно так, со свойственным молодости снисходительным глубокомыслием, я тогда рассуждал.

На четвертый день похода нащупал едва заметную, терявшуюся в зарослях тропку. Она вилась в сотне метров от каменистого берега шумливой таежной реки. Здесь я и увидел тревожный флажок — ленточку выгоревшего брезента на ветке. Остановился и огляделся. Тряпочка была повешена недавно, примятые и сломанные листья не засохли, а только привяли. Рассмотрев кусочек брезента, я заметил на его краешке смазанный красный отпечаток пальца. Понял, что это кровь. Едва заметные бурые пятнышки были и на тропинке. Услышал тихие стоны. Прошел навстречу звукам и увидел человека, он лежал на взгорке у корней двух огромных кедров. Выцветшая энцефалитка и такие же штаны были разодраны. Правый рукав куртки от самого ворота почти оторван, в прорехе на плече — глубокая запекшаяся царапина. Правая штанина от пояса до колена тоже зияла сплошной дырой, сквозь которую виднелись вывернутые наружу мышцы бедра. Ремень на штанах порван. Одежда и земля вокруг в темных пятнах и сгустках засохшей крови. Под левой рукой — старинная бердана с затвором, треснутым прикладом. В стороне — две стреляные гильзы двадцатого калибра. Все это я разглядел на бегу, за пару секунд. Подбежал, наклонился к изголовью, свинтил пробку у флажки, приподнял страдальцу голову, стал осторожно через запекшиеся губы вливать воду. Судорожно захлебываясь, пьет. Это хорошо. Сейчас отчет-ся. Поговорим — покумекаем.

— С...с...спсиб...

Ну вот, заговорил.

— Пожалуйста. Ты как?

— Нормально.

— Я тоже оптимист. Что делать будем? У тебя серьезная рана. Может заражение пойти.

— Знаю. Пробьемся...

Все. Выключился. Потерял сознание.

На вид ему лет сорок. Лохматый. Светлая борода растет почти от самых глаз, широкой лопатой тянется до ключиц. Роста среднего, сложения крепкого. Но слишком много потерял крови. Раненое бедро сильно опухло, уже гноится. Но сухожилия, вижу, целы. Достая флакончик спирта и бинт. Пытаюсь промыть рану. Хотя толку от этого никакого, раньше бы это сделать.

Догадываюсь, что порвал его медведь. Но не бурый мишка, с тем не забалуешь, а черный, белогрудый. Этот размером мельче, но паскуднее. Азиатский характер у черного медведя, злопамятный и мстительный. Если ты ему чем-то насолил: спугнул с добычи, помешал жрать ягоды или дрыхнуть на солнцепеке — убежит, но потом обязательно вернется и отомстит. Не уследишь — разорит стоянку, в клочья порвет рюкзак, палатку. Даже ружье может погнуть и погрызть. Но напасть на человека — это и для него сверхнаглость. Был или раненый зверь, или от рождения пакостного нрава отморозок.

Похоже, что бедолага пострадал не здесь. Сюда пришел, пока были силы. Но зверюга напал где-то недалеко от этого места. У человека ружье, потому нападение было внезапным. Подкараулил или подкрался. Однако в последний момент человек успел увернуться, потому что голова не повреждена. Медведь первым делом сдирает скальп от затылка до лба. Охотники говорят, что якобы не может видеть глаза, потому и закрывает их лоскутом кожи с головы. Отметина от медвежьего когтя на плече — значит, успел среагировать. Замах звериной лапы был страшным. Хорошо, что когти зацепились за крепкий брезентовый ремень штанов. Ремень лопнул, но удар ослабил. На бедре осталась глубокая рваная рана, но могло быть еще хуже. Хотя и сейчас ничего хорошего.

Медведь не убил его, потому что человек успел выстрелить. Или испугался зверь, или был ранен, но факт, что убежал. Нет, не ранен, просто струсил. Раненый зверь был бы в ярости и добил добычу. Почему я не допускаю варианта, что медведь в той стычке мог быть убитым? Потому что зверь возвращался, приходил уже сюда, к двум кедром. Бородач был еще в сознании, начеку — вот они, две стреляные берданочные гильзы.

А место для стоянки он выбрал хорошо. Обзор хороший, незамеченным сюда не подойдешь. На взгорке сухо, кроны кедров и от солнца защитят, и от дождя. В десяти метрах — чистый ключик.

Но дело кислое. Рана продолжает воспаляться, нужны антибиотики. Больного надо срочно доставить в поселок. А это семьдесят километров сквозь заросли через тайгу, мари, участки скальных осыпей, небольшой горный перевал, два десятка речушек да три брода по горным порожистым рекам. Я мужик здоровый, могу тащить где на плечах, где на волокушах из ветвей. Но не донесу, не успею.

Пока про все это рассуждал, успел вскипятить котелок, сварить и запарить таежный чай из листьев элеутерококка, земляники и красной смородины, с еще зелеными плодами актинидии и уже бурыми ягодами маньчжурского лимонника, дикого барбариса и крупного приморского шиповника. В летних походах я никогда не завариваю чай из пачки, свежие дикоросы и полезнее, и вкуснее. Остуженным отваром начинаю отпаивать своего нового знакомца. Точнее — незнакомца, поскольку имени не спросил. Надо — сам скажет.

Бородач открывает глаза и говорит, как будто продолжая прерванный разговор:

- Пробьмся.
- До поселка донести не успею.
- Знаю. Далеко. Переправы. Не дотащишь. Три дня — и сам встану.
- Лекарств нет?
- В тайге лекарство.
- В зимовье, лабазе? Антибиотики?
- Нет. Я расскажу. Научу тебя.
- Чему научишь?
- Всему. Ружье есть?
- Есть. Шестнадцатый калибр. Дробь: семерка, тройка и нулевка.
- Нулевку заряди. Иди убей зайца. Их здесь много.
- Прямо сейчас?
- Да, поспеши.
- Как скажешь...

Встаю, заряжаю ружье. Зайчатинки ему захотелось. А почему нет? Может, это последняя воля умирающего?

Я отошел на двести шагов к большому таежным лопухам. Такие места зайцы любят. И точно: здоровенный зайчище высунулся из зарослей и лениво запрыгал прочь. Вскидываю ружье. Бабах! Готов косою: перевернулся через голову, дрыгнул задней ногой и замер.

Возвращаюсь с добычей. Мой напарник заметно ожил. Сумел прилечь, упершись спиной в красноватый кедровый ствол. Глаза закрыты.

— Заяц?

— Заяц-заяц! — говорю я голосом ушастого персонажа из популярного мультфильма.

— Распори его до хребта и повесь на солнце. Вон на ту ветку.

— Что? Рагу не будет?

— В другой раз. Шкуру не сдирай.

Распарываю тушу еще горячего зайца, веревкой за задние ноги навешиваю на солнцепек.

— Смотри, — говорю, — как его мухи сразу облепили. И откуда налетели? Не понять.

— Они везде. Мухи — это хорошо. Хорошие мухи.

Я не стал любоваться хорошими зелеными мухами, вернулся к раненому.

— Ты кто? — спросил я.

— Человек. А ты?

— Тоже человек.

— Вот и познакомились, — болезненно улыбается. — Ты мух не отгоняй, мне их черви нужны.

— Личинки? Опарыши?

— Да. Я пока посплю. Сил мало.

Человек вновь закрыл глаза и, видимо, потерял сознание. Я заготовил и натаскал дрова для кострища, как смог оборудовал бивак. Потом заваривал таежный чай с травами и ягодами, разводил в кипятке сгущенное молоко — поил горячими напитками свалившегося на мою голову страдальца. В этих хлопотах протянулись сутки. Раненому становилось хуже. На тушке зайца роились полчища мух. Вновь была бессонная ночь у костра, пришло утро, наступил день, и я заснул крепким сном.

— Эй, — услышал я голос, — эй, человек! Просыпайся!

Открываю глаза. Мой подшефный, хотя и в сознании, выглядит дряннее вчерашнего. Его знобит и колотит. Рана продолжает воспаляться, и я понимаю, что уже сегодня-завтра могут начаться осложнения: отравление крови, гнилостная гангрена.

— Не бойся. Гангрены не будет.

Похоже, что мы об одном подумали. Сейчас его проблемы стали и моими.

— Согрей воды, чтобы не горячей была. И не холодной. Будем червячков купать.

Он знает, что мне делать. Это не бред. Нагреваю чистую ключевую воду градусов до двадцати пяти, трогаю пальцем. Сосед следит за мной.

— Не холодная? Не замерзнут?

— Не простынут. Чихать не будут.

— Тащи сюда косога. Червячков не стряхни.

Приношу подвоявшего зайца, на внутренностях которого шевелятся мелкие опарыши.

— Червячков отмой. Только пальцами не трогай. Мне инфекция не нужна.

— Ты что, их есть собрался?

— Увидишь.

Споласкиваю гадких мушиных личинок, осторожно сливаю воду.

— А сейчас высыпай их на рану. Не бойся. Мне хуже не будет. Вот. Молодец. Тебе уже можно в уголке дедушки Дурова выступать. Номер с дрессированными червяками.

— Наверное, ты шутишь?

— Угу.

— Значит, жить будешь.

— Я и не сомневаюсь. Ты поаккуратнее, понежнее с червячками.

Смотри, чтобы равномерно расползлись.

— Они тебя сожрут.

— Нет. Есть будут только гнилье.

— Уверен?

— Знаю. Учись, студент.

— Я не студент. Я учитель.

— Тем более учись. Других научишь.

— И сколько они тебя будут глодать?

— Сутки. Пока не растолстеют. Расслабься. Спирт есть?

— Есть.

— Выпей. Боюсь, стошнит тебя. Совсем зеленый стал.

— А ты выпьешь?

— Нет. Я вообще не пью алкоголь.

— Завязал?

— Даже не развязывал.

— Старовер, что ли? Божий человек?

— Все мы Божьи твари. Меня можешь Лешим звать. В поселке так называют. Ты зайца унеси на север, триста метров. В большой муравейник брось. Только муравьев сюда не приведи. Извини, мне поспать надо.

Опять вырубился. На рану страшно смотреть. Мелкие трупные личинки мух освоились, шевелятся в гнилой плоти живого человека. Господи, чего только в этой жизни не увидишь! «Сходил за хлебушком», прогулялся по тайге...

Уношу вонючего зайца. Издалека забрасываю тушку к полутораметровому муравейнику. Через сутки от зайца только сухие косточки белого скелета останутся. Как советовал Леший, близко к муравейнику не подходил, чтобы не привести мелких лесных троглодитов к биваку, к большому человеку.

Через час он проснулся. Резко открыл глаза, потянулся к берданке.

— Ты что, — забеспокоился я, — стрелять собрался?

— Тихо, медведь. Ты куда зайца выбросил?

— К дальнему муравейнику.

— Медведь там.

— Уверен?

— Знаю. Он всегда был здесь. Рядом. Не подходил. Потому что боялся. Нас двое. Если бы не ты — пришел бы. Он меня давно задрать и забрать хочет. Сейчас зайца жрет. Я слышу. Вот что: возьми мою бердану, пойди и шугани его. Стреляй метров за сто. Чтобы картечь над его башкой прошла и ветки посыпались. Пусть обделается. Не бойся, он убежит. Ты ему не нужен. Ему я нужен.

Как быстро я стал подчиняться этому человеку. Делаю все, что он говорит. Беспрекословно. И нисколько не сомневаюсь в его правоте. Ко-

мандир, блин! А я — солдат рядовой, будто бы всегда только тем и занимался, что выполнял чьи-то команды. Это я — дитя свободы, который после института на полуторамесячных военных сборах умудрился заработать восемнадцать нарядов вне очереди и трое суток гауптвахты. Ненавижу ходить строем и выполнять дурацкие приказы. Я для того и в тайгу приезжаю, чтобы не слышать команды: пойдй туда, сделай то, доложи и встань смирно. Сейчас! Вот вам!

Чего это я разухарился? Надо задержать дыхание. Через прорезь мушки вижу медведя. Ни хрена себе! Таких гигантов из мелкой гималайской породы я еще не видел. В этом косолапом больше двухсот килограммов, четверть тонны. Настоящий монстр. Жрет зайца. Поднимает черный нос кверху, водит из стороны в сторону, нюхает воздух. Сейчас почувствует меня. Ну уж нет. Он у меня обделается по полной программе. Нажимаю на курок. Картечь прошла в метре над черной башкой, срубила низко нависшие еловые лапы. Грохот выстрела усилился круговым эхом и одновременно с упавшими ветками огрел зверя. У медведя от неожиданности расплозились лапы, и он, как свинья, распластался на земле. Вскочил, крутнулся на месте и, поджав кучий хвост, дал деру, прямо как заяц, высоко задирая толстую задницу.

— Эй, засранец, — ору я вслед, — бумажку принести?

Хохочу и радуюсь. А чему радуюсь? Головореза напугал. Ха-ха-ха!

Возвращаюсь к стоянке. Дурашливо прикладываю ладонь ко лбу:

— Товарищ командир! Приказ выполнен! Тайга в дерьме, медведь — по уши!

— Вольно. Здесь командиров нет. Мы напарники. А главным сегодня ты, учитель. Потому что сильнее.

— А ты?

— А я умнее. Не обижайся. Я сразу понял, что ты хороший мужик. И тайгу любишь. Но ты городской. Совсем своим в лесу не станешь. А я живу здесь.

— В школу не ходил, в армии не служил? — все-таки обиделся и ерничаю я.

— В армии служил. Там, куда Макар телят не гонял. И учиться — учился. Физтех Новосибирского университета.

— Еще скажи, что с красным дипломом.

— Угадал. Наш таежный отдел кадров только с красным принимает. Разрешите вновь представиться: бывший интеллигентный человек, бич таежный¹. А ты, учитель, разумное, доброе и вечное сеешь?

— Отсеялся. Отпуск взял, сюда приехал. За туманом и за запахом...

— Только не за запахом того медведя. Сам я воздух тоже не очень освежаю.

— Поправишься.

¹ Постсоветские поколения читателей, справедливо считающие автора и героев его рассказа доисторическими ровесниками волосатых мамонтов, могут не знать, отчего Леший называет себя «бич таежный». Бич — «бывший интеллигентный человек»: так именовали себя представители люмпенизированного социального класса 70–80-х годов прошлого века. Они не имели постоянного жилья, но, в отличие от современных бомжей, многие бичи не чурались работы. На Дальнем Востоке эти люди составляли большую часть сезонных рабочих в геологических экспедициях, заготовительных артелях и даже на приисках. Мне не раз встречались очень колоритные представители «бывших интеллигентов», в том числе образованные, с хорошим чувством юмора. — *Примеч. автора.*

— Не успокаивай. Я должен встать. Встану и прибью людоеда.

— Что? Тот медведь настоящий людоед?

Честно признаюсь: меня даже зазнобило. Чуть зубы не застучали. Я только что, как пацан, ходил шугать таежного людоеда. Он же меня мог сожрать!

Бородач устало прикрывает глаза.

— Извини, учитель. Ты не бойся. Он сегодня сюда не сунется. Завтра придет. Придет, когда ты уйдешь и оставишь меня одного. Мне поспать надо. Ты не скучай. Возьми мой топор и заготовь четыре метровых кучи ильмовых дров. А ночью не тревожься, спи. Медведь тебя не тронет. Все будет завтра.

Я сделал как он просил. Заготовил четыре кучи дров из приморского ильма. Только ночью спать не мог. Палил огромный костер и прислушивался к тайге. Медведь, как и все звери, огня боится. Поил Лешего отварами, он просыпался, что-то благодарно бормотал и улыбался. Человек был почти без сознания, но что удивительно — жар у него прошел. Под утро, прижав чужую бердану к груди, я все-таки уснул. И спал часов до девяти, пока солнце не стало красными кругами шекотать сомкнутые веки. Почему-то я проснулся с очень хорошим настроением. Только открыл глаза, как тут же услышал добродушное ворчание бородатого соседа:

— Ну ты и спишь. Даже дверь веником не подпер. Заходите, люди добрые, берите что хотите.

— Привет! А что? Кто-то в гости заходил?

— Слава Богу, никого не было.

Мой напарник сидит у костра. Берданка, которую, как родную, я всю ночь прижимал к себе, лежит у его раненого бедра. Нет, зрелище еще то: в развороченном бедре белые личинки заметно выросли, копошатся, пульсируют, крутят острыми носами. Однако рана стала почти чистой, гладкой и девственно розовой.

— Иди умывайся. Пойдем мох собирать. Нет, толпиться сегодня не будем. Ты пойдешь, а я здесь позагораю.

Умываюсь у чистого ручейка, фыркаю и разбрызгиваю искры студеной воды. Примечаю, какой день хороший, солнечный и нежаркий. Середина августа, а в буйных космах лиственных деревьев уже чуть проблескивают золотые и медные пряди осеннего предвестья.

— Ну, долго ты там? — бурчит сосед. — Сначала спал до обеда, а сейчас до вечера купаться будешь? У нас хлопот полон рот, а он плескается, как десантник в фонтане.

— Цыц, Леший! Забыл, что меня в главные командиры назначил? Почему до сих пор в две шеренги не построился? Быстро лежа подровнялся и бегом с докладом!

Бородач поддерживает мое дурачество:

— Я, товарищ командир, извиняюсь, конечно, но личный состав волнуется: а на горшочек пи-пи вы сходили?

— Молчать! За неуставное запанибратство объявляю пять суток гауптической вахты!

— Есть пять суток! Разрешите исполнять?

Смеемся, два дурака. Уж больно хорошо день начинается. Пьем чай и треплемся как закадычные приятели на пикнике в городском парке. Барышень только не хватает.

— А теперь — за дело, командир. — Леший рассматривает раненое бедро. — Будем с пассажирами прощаться. Пойди вон в ту ложбинку и

набери мхов зеленых. В этот чистый котелок складывай. Аккуратно режь. Соринки стряхивай. И пальцами поменьше ко мху прикасайся.

— Полный котелок?

— Полный. Только не спрессовывай. Нежненько-нежненько. Ружье возьми.

Ну вот, напомнил о медведе-людоеде, и настроение мое подкисло. Иду в указанном направлении. Мхи здесь шикарные. Место тенистое, в меру влажное. Веточки ворсистого мха — темно-изумрудные, высокие, похожи на маленькие елочки. Осторожно нарезаю квадратные лоскуты, смахиваю соринки — сухие хвоинки и листики.

Наполнив доверху котелок, возвращаюсь. Леший лежит на боку, стряхивает на землю личинок-пассажиров. Лоскутом принесенного мною мха тщательно протирает рану, затем плотно накрывает ее зелеными облатками:

— Учись, учитель. Мох — природный антисептик. Фронтвики в окопах мох вместо йода и бинтов использовали. Поддела мы сделали. А сейчас зажигай первую кучу дров. Будем мой окорок коптить и жарить.

Настроение у мужика веселое. Глядя на него, вновь ожил и я, забегал, разжигая и добавляя жару огромному костру. Огонь полыхает, а я, подбадриваемый напарником, все бросаю и бросаю в него запасенные дрова. Через три часа слой раскаленных углей достигает почти полуметра.

— Хорош кочегарить! Сгребай в кучу и выравнивай угли!

Формирую нечто, похожее на пирог из вулканической лавы. Леший подползает к адскому холму. Избавляется от моховых облаток и подставляет жару травмированную ногу. Рана на глазах подсыхает. Он терпит. Закрыл глаза, скрипит зубами и не отползает.

— Ты уже как жареный поросенок, отдохни, — я силой оттаскиваю товарища в сторону. — Охладись, паленым пахнет. У тебя борода дымится.

Экзекуция жаром продолжается с перерывами два часа. После чего вконец обессиленный человек сдается. Ложится навзничь и мученически улыбается:

— Ну вот... А ты говоришь: «гангрена», «антибиотики»... Хрена, а не гангрена! Вот так тайга лечит. Через сутки я уже бегать буду. И прыгать, как козел.

Варю гречневую кашу с двумя банками тушенки. Впервые мы плотно обедаем. Расслабленно пьем чай и тихо разговариваем. Без напрягов, без шутовства. Я подробно расспрашиваю. Леший (так свое имя, хитрец, и не назвал) рассказывает.

Уже много лет он промышляет таежный женьшень. Обычно «корневика» в сезонные походы выходят по двое-трое. Компанией легче и обследовать территорию, разбивая ее на условные квадраты, и обустроить незамысловатый быт походной жизни. Это и безопаснее в случае встречи с лихими людьми — беглыми зеками или «хищниками», как называют тех, кто без лицензий моет золото в таежных ключах и горных шурфах. Угрозы могут исходить и со стороны диких зверей. Особо опасны вепрь, кабан-секач и обиженный, раненный людьми, либо попробовавший человечину медведь. По-любому, компанией в тайге продержаться легче.

У него тоже был напарник, с которым хоть в полынью, хоть в пламя. Но полмесяца назад на самое начало сезонного промысла женьшеня Леший растянул связки и не смог выйти с товарищем. Встретиться договорились вот на этом самом месте.

Он пришел в назначенный срок, но друга не обнаружил и сразу почувствовал неладное. Для него тайга — открытая книга с понятным, хотя и затейливым текстом. Обошел территорию в несколько километров и все понял.

С первых часов появления здесь человека охоту на него затеял гигантских размеров и чрезвычайно хитрый гималаец. Чем ему насолили люди, можно только предполагать, но этот медведь был кровожадным людоедом.

Почему друг не почувствовал угрозы? Может, подцепил хворь и потерял бдительность? Но финал был страшен.

В двух километрах вверх по реке товарищу улыбнулась коварная Фортуна. Он нашел огромный корень. И не просто неправдоподобно крупный, а удивительных форм. Известно, что женьшень — это «человек-корень». Самые ценные экземпляры очень напоминают человеческое тело. Есть голова, туловище, руки, ноги и еще более мелкие детали всяческих органов. Есть у корней и половые признаки человека, потому их разделяют на «мужские» и «женские». Этот корень был мужским. Очень рельефный, с массивными и соразмерными отростками конечностей, без излишних «аппендиксов» и, в то же время, с нежными пушистыми волосками. Найти такой корень — не просто редкая удача: это фарт, который выпадает далеко не каждому поисковику заветного «корня жизни».

Друг Лешего стал осторожно подкапывать и очищать чудесный корень. Возможно, он ошалел от неожиданности и величия находки, возможно, размечтался и расслабился. Человек держал в руках удачу, был безумно счастлив и не услышал бесшумной поступи зверя...

Леший замолчал и отвернулся. Кюм боли забил его горло.

— В общем... корень я целухоньким с земли поднял. А друга... то, что от него осталось, нашел в пятистах метрах от проклятого места.

Поплакал. Собрал останки в полог. Решил на высоком месте временно захоронить, чтобы звери не растащили. А потом, думаю, вернусь с людьми, перенесем, похороним на кладбище рядом с отцом-матерью. Я уже тело в могилу уложил и стал засыпать землей, когда этот подонок вернулся. Ты понимаешь?! Я его не услышал! У меня в ушах звенело. Только в последний момент от удара увернулся... Он мне бедро разорвал. Не было бы ремня — оторвал бы ногу. А бердана взведенная на земле лежала. Я к ней рванулся, даже не поднял, только до курка дотянулся. Короче, выстрел, медведь — деру. Я еще по горячке могилу успел засыпать, потом сюда приковылял. Смог и лоскут над тропинкой повесить... А этот ко мне два раза приходил. Я стрелял, он убегал. Потом сознание стал терять. Уже ни на что не надеялся, совсем отчаялся. Только бесило, что не отомстил, не убил. А потом ты пришел. Остальное знаешь лучше меня. Такие вот дела...

— И что намерен делать дальше?

— Сейчас ты уйдешь. А я останусь. Я убью его, расчленю и сожгу. Чтобы ничего от этой сволочи не осталось. А ты не задерживайся, дело к вечеру. Пойдешь по этой тропинке. Через семь километров выйдешь к реке. Переход деревянной стрелкой обозначен, не промахнешься. По камням перейдешь на левый берег. Под скалой схрон найдешь. Я его с другом делал. И дрова, и продукты, даже керосиновая лампа имеется. Там и переночуешь. Такие дела...

Леший полез в рюкзак и достал полотняный сверток, аккуратно закрученный бичевой:

— На, брат, возьми. Потом посмотришь. Спасибо тебе. Уходи. Хрис-

том Богом прошу: уходи. Долгие проводы — долгие слезы. А мне еще к встрече с тем гадом надо подготовиться.

Мы встали, крепко, по-братски обнялись. Я подхватил свои вещи и пошел. Солнце клонилось к закату. Надо было спешить.

Через пару часов я уже был на стоянке. Легко нашел схрон, запалил из сухих дров костер, зажег и керосиновую лампу. Достал и принялся осторожно разматывать полотняный сверток. Я уже догадался, что мне подарил Леший. Это был тот самый, необыкновенного величия и красоты корень женьшеня.

Я рассматривал его в свете костра и лампы. Всплески огня оживили корень. Он в самом деле был человеком. Наполненный необъяснимой магической силой человек-корень напрягал мощную плоть торса, упругих конечностей и... смотрел на меня! Я физически почувствовал этот холодный и насмешливый взгляд. Конечно, это только ощущения. Просто я устал. Надо завернуть корень в тряпицу и хорошенько выспаться. Трофей, конечно, уникальный. И больших денег стоит. Я слышал, что у корейцев в приморском поселке за подобный, но гораздо меньший корень фартовый промысловик как-то получил почти новые «жигули».

Остаток маршрута я прошел с опережением намеченного графика, уложился в три дня. В поселке, который был и районным центром, я спросил, где живут корейцы. Не нищие рабочие из Северной Кореи, занятые на лесоповалах, а наши корейцы, чьи предки поселились в Приморье в девятнадцатом веке вместе с русскими первопроходцами.

Я нашел самого старого деда-корейца и передал ему сверток. Сказал, что это «корень жизни», что мне за него ничего не надо. Сказал, что из-за этого корня погиб человек, и я хочу, чтобы теперь он спасал человеческие жизни. В общем, что-то очень сумбурное говорил и говорил корейскому дедушке. Тот слушал меня и все время кивал головой.

Я встал. «Спасибо», — сказал старый кореец. «До свидания», — сказал я и поклонился. «До свидания», — ответил дедушка и тоже поклонился.

На Владивостокском Морском вокзале, откуда, как известно по песне Юрия Визбора, корабли отходят всегда на восток, а поезда — всегда на запад, я купил местную газету. На последней странице увидел заметку:

«НЕОБЪЯСНИМАЯ ЖЕСТОКОСТЬ. На берегу одной из таежных рек в районе Сихотэ-Алиньских предгорий охотинспекторы обнаружили кострище с обгоревшими частями расчлененной туши необычайно крупного гималайского медведя. По факту незаконного отстрела и необъяснимой жестокости ведется следствие».

А Леший свое слово сдержал...

